

НА ВОЙНЕ, КАК НА ВОЙНЕ

Летом 1943 года актеры Татарского академического театра Р. Зиганшина, И. Гафуров и артисты филармонии были командированы в Москву, где они должны были влиться в театральную бригаду и поехать на фронт.

Концертную программу просматривали в помещении Центрального театра Красной Армии. Вход в театр был по специальным пропускам. В огромном зрительном зале сидела небольшая группа людей—члены приемной комиссии. За исключением двух человек все были военными: от майора до генерала. Актеры из Казани неслышно сели и стали смотреть.

— Придется вам прийти в другой раз, — говорил председатель только что выступившему теще. — У вас программа чересчур серьезная. А бойцам отдых нужен... Им бы что нибудь из Зоценко, а вы каких-то декадентов читаете, от скуки умреть.

— Страшно выступать, — тихо произнес Гафуров.

— Ничего. Рашида и Ибрагим Гафуров выступили с татарским танцем. Им не было сделано ни одного замечания, и номер включили в программу бригады, которая должна была обслуживать бойцов Северо-Западного фронта.

А в час ночи они уже были в поезде и к утру прибыли на станцию Барановичи. Оттуда актеры поехали на грузовой машине.

Лето — хорошая пора для отдыха, особенно на природе. Но то, что увидели артисты на пути к фронту, было неопишимо. На десятки километров тянулся сборный лес. Вокруг стояли почерневшие стволы берез, и совсем редко встречались сиротливо стоящие деревья с зелеными ветвями.

Дорога проходила мимо деревень, где в пепелище торчали одни печки с труба-

ми. К вечеру доехали до большого села, где чудом сохранилось два дома. В одном из них поместили артистов на ночлег. Ужин по тогдашним временам был изысканный: мясные консервы, сгущенное молоко и белый хлеб. Артисты угостили хозяйку и двух ее дочерей, старшей из которых было шесть лет.

За ужином узнали многое. Хозяйка рассказывала о жизни при немцах.

— У нас село было большое, триста домов. Да вот немцы все сожгли. Зверствовали. Люто зверствовали. В соседней деревне фашисты двух мальчиков расстреляли. Обоим по десять лет было. 7 ноября вышли на улицу в красных галстуках и стали петь про конницу Буденного... Мимо шли полицай... Уж больно хорошие были мальчики, пели—заслушавшись. В клубе до войны у нас на утреннике выступали. Я Веруно свою водила, хоть и мала была, а концерт смотрела и не плакала.

Летнее июльское солнце всходило рано, а еще раньше встает деревня. Рашида выглянула в окно и увидела, что поодаль от дома собрались старухи и старики, женщины и дети. Они стояли молча, не переговариваясь. Рашида разбудила своих товарищей, и они вместе вышли во двор. Все жители деревни разом поклонились.

— Здравствуйтесь, дорогие друзья.

Опять поклонились. — А вы артисты? — серьезно спросила женщина с бенком.

— Артисты. — Может, вы нам концерт покажете?

— Мы ведь только до войны настоящих артистов видели, — вмешалась в разговор сухонькая старушка. — Они в нашем клубе выступали. Хороший был клуб. Его еще мой сын срубил с

В годы Великой Отечественной войны деятели искусств Татарии неоднократно выезжали с концертными бригадами на фронт. Среди них — народная артистка ТАССР А. Измайлова, режиссеры Ш. Сарымсаков, К. Тумашева, артисты Р. Ибрагимов, А. Масаутова, З. Измайлова, И. Гафуров, Р. Зиганшина и другие. Вниманию читателей предлагается отрывок из новой книги Х. Кумысникова «Дочь Октября», посвященной жизни и творчеству народной артистки РСФСР и ТАССР Рашиды Зиганшиной. В нем рассказывается о ее поездке на фронт с концертной бригадой.

напарником. Да сожгли все дотла природы. Вернется с войны Васятка, хоромы построит.

— Концерта без клуба не бывает, — уверенно произнес худой мальчонка. — Какой же концерт без сцены? Я знаю.

— Но концерт состоится... и без клуба. Прямо здесь, сейчас же, — Рашида взяла на себя смелость говорить от имени всех, и никто ей не возражал.

Через несколько минут открыли борта грузовика, к нему приставили ступеньки, концерт начался. Чего только не увидели и не услышали жители освобожденного села! Рассказчик вспоминал смешные истории, которые происходили с какой-то кочергой и полосатыми арбузами. Иллюзионист показывал такие чудеса, что даже бывалые артисты удивлялись его умению и изобретательности. А когда танцевали Рашида с Гафуровым, на кузов вдруг взобралась маленькая девчушка и вместе с ними начала кружиться и босыми ножками выделывать причудливые колена. Зрители засмеялись и захолопали. Впервые за все время концерта.

Провожали актеров молча. Когда машина тронулась, все односельчане разом поклонились и медленно стали расходиться по своим землянкам. Не шелхнулась только девчушка, которая танцевала с артистами. Она стояла долго, но потом все-таки ушла.

— Я узнала, — сказала Рашида, — у нее никого не осталось. Мать и брата расстреляли немцы. Ютится у соседей.

— Может, с собою захватим? — предложил кто-то.

— Нельзя. Мы едем на передовую.

— Не надо беспокоиться. Эта девочка не пропадет.

Ночью ехали по равнине, и нигде нельзя было укрыться от светящихся вражеских прожекторов. Они то настигали машину, то отступали на некоторое время, а потом опять начинали преследовать. Долгие километры пришлось ехать под световым прицелом немцев. Одно было непонятно: машину почему-то не обстреливали. Так и ехали в постоянном ожидании смерти...

Утром артисты прибыли на передовую позицию Н-ской части. В просторном блиндаже, куда их направили, за телеграфным аппаратом сидела молоденькая девчушка. На ее груди блестел орден Красной Звезды. Девчушка посмотрела на гостей, улыбнулась и воскликнула:

— Артисты приехали! Вот радость-то какая! Ой, что же вы стоите? Устали, наверное? И проголодались! Оставьте здесь вещи, я вас сейчас провожу в нашу походную кухню. Сегодня пшенная каша с мясом — просто объедение. И кисель! А вы «Темную ночь» будете петь? Недавно нам фильм показывали «Два бойца». Ну и поет же Марк

Бернес! Заслушаешься. Ну, готовы? А меня Валею зовут. Я тоже хотела стать артисткой, да вот война помешала. Ничего, после победы пойду в театральную, авось не постарею.

Девушка мельком взглянула в маленькое зеркальце, поправила свои локоны, надела пилотку и, смеясь, скомандовала:

— Товарищи артисты, за мной, шагом арш!

Валия открыла дверь, легко выпорхнула и неожиданно стала падать. Кто-то из артистов подхватил ее и внес обратно в блиндаж. Валию положили на топчан и все увидели, что орден Красной Звезды был измят снайперской пулей врага. На гимнастерке стала проступать кровь. Побежали за доктором. Валия открыла глаза, улыбнулась и тихо произнесла:

— Искусство требует жертв...

...Артисты, глотая слезы, вместе с бойцами и командирами стояли в почетном карауле. У изголовья покойной лежал окровавленный комсомольский билет. Командир части произнес речь. Молодой скрипач играл «Темную ночь» Никиты Богословского. И эта популярная в годы войны песня звучала в тот печальный день как реквием по молодой, рано оборвавшейся жизни.

Похоронили Валию у тоненькой одинокой березы. Оружейные залпы нарушили тишину...

Потрясенные актеры уехали в другую часть.

— Первый номер нашей программы мы посвящаем светлой памяти героя-бойца, юной комсомолки Вали, погибшей от вражеской пули.

На помост вновь поднялся молодой скрипач... Рашида плакала и не заметила, как объявили татарский танец.

— Зачем? — только и смогла она произнести.

— Рашида, успокойся. Нас ждут. Ты — артистка. Нельзя так отчаиваться, — убеждал ее Ибрагим. — Хочешь, я буду один танцевать, а ты только стой на сцене. Ладно?

Баянист Казанской филармонии Николай Ширкин уже дважды начинал играть вступление, а танцоры задерживались с выходом. На лужайке, ставшей зрительным залом, напряженно ждали. Баянист в третий раз дал аккорды, и на сцену вылетел юноша в праздничном наряде и начал танцевать.

— Воздух! — неожиданно раздался зычный голос, и все зрители вмиг рассеялись. Артисты растерялись.

— Товарищи! Прошу всех прилечь. Не шевелитесь. Яркие костюмы прикройте.

— Ничего, товарищ лейтенант. Сверху они напоминают цветы на лужайке, — невесело пошутил баянист.

Самолет пролетел стороной.

— Отбой!

Через минуту зрители опять сидели на своих местах и ждали продолжения концерта.

— Разве концерт не отметили? — спросила Рашида у лейтенанта.

— А у нас всегда так. То солнышко, то град. То ли убьют, то ли жив останешься... А пока живы, надо жить.

...Рашида и Гафуров танцевали, как никогда. Они радовались тому, что остались живы и что искусство их, оказывается, очень нужно тем, кто постоянно находится на грани жизни и смерти. Умирать никому не хотелось. И танец — легкий, искрящийся, азартный — захватил всех своим неслыханным оптимизмом.

Х. КУМЫСНИКОВ.

9 СЕН 1984

СОВЕТСКАЯ ТАТАРИЯ
Казань